Еще воспоминаніе о Митрополитѣ Филаретѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія въ Свято—Тройцкой Сергіевой Лаврѣ былъ хроминькій монахъ именемъ Трифиллій. Я учился тогда въ Московской Духовной Академіи, помѣщающейся, какъ извѣстно, въ этой же Лаврѣ. Разъ

этотъ Трифиллій встрѣчается со мною, и посмотрѣвъ на меня пристально, кланяется мнѣ чуть не до земли, и начинаетъ рѣчь: Г. студентъ! вы мнѣ кажетесь человѣкъ добрый; удостойте посѣтить мою келью; я вамъ открою свою сердечную тайну, и попрошу васъ объ одной услугѣ. Замѣтить надобно, что академическое начальство какъ—то вообще косо смотрѣло на знакомство студентовъ съ лаврскими монахами, и потому бытъ ихъ оставался отъ насъ совершенно закрытымъ. Согласиться на просьбу о. Трифиллія подстрекнули меня три желанія: первое, побывать хотя въ одной лаврской кельѣ и поимѣть хотя малое понятіе о житьѣ—бытьѣ монашествующихъ; второе, выслушать обѣщанную тайну, и третіе узнать, въ чемъ могла состоять моя услуга. Благообразная же наружность старца, сквозь которую просматривало непритворное благочестивое настроеніе, успокоили меня на счетъ того, что академическое начальство не осудило бы меня за знакомство съ такимъ добрымъ инокомъ, если бы и узнало о томъ.

Въ условленное время пришелъ я къ о. Трифиллію. Келейка его находилась въ корридорѣ больничнаго Зосимо—Савватіевскаго Собора,—она имѣла не болѣе сажени длины, и менѣе того ширины; въ переднемъ углу иконы,—подъ ними маленькій столикъ, близъ его стулъ, противъ стула коечка старца. Вотъ вся обстановка Не видно было ни одной книги, потому что старецъ былъ безграмотный; не было ни чашекъ чайныхъ ни самовара, ни графина ни рюмки, потому что старецъ не пилъ ни чаю ни водки. Но на окнѣ стояла бутылка съ пивомъ, въ тарелкѣ лежала часть осетрины и прекрасная бѣлая какъ снѣгъ булка. Въ Лаврѣ въ то время не было положено общаго на трапезѣ ужина, и монахамъ предоставлялось послѣ обѣда уносить по кельямъ порцію для вечерней трапезы. Эту-то порцію и сберегъ о. Трифиллій отъ вчерашняго вечера, чтобы предложить мнѣ на угощеніе, по пословицѣ: у старца въ кельѣ, что Богъ послалъ. Тайна, тяго-

тившая сердце старца, состояла въ томъ, что его дочь, вдова, жившая въ г. Дмитровѣ, вела себя свободно; и онъ просилъ меня написать отъ него отеческое ей увѣщаніе, чтобъ она исправилась, а буде же сама исправиться не можетъ, то заклиналъ ее, чтобъ она не довела до разврата своей дочери, его внучки. Исполнить просьбу старца, проливавшаго слезы, я счелъ христіанскимъ долгомъ, и потому сходивъ въ Академію за письменными принадлежностями, написалъ посланіе къ падшей, но не иначе, какъ со словъ старца; отъ себя прибавить, или измѣнить что нибудь изъ его не совсѣмъ гладкихъ выраженій, не позволялъ онъ ни подъ какимъ видомъ. За тѣмъ, по мѣрѣ получаемыхъ имъ не благопріятныхъ о своей дочерѣ вѣстей, я продолжалъ быть его секретаремъ и на будущее время, а иногда посѣщалъ его и безъ дѣла, просто изъ желанія побесѣдовать съ опытнымъ и набожнымъ иннокомъ.

Въ Академію поступилъ я въ 1818 году; въ Мартѣ 1819 года, скончался Архіепископъ Московскій Августинъ, принесенный для погребенія въ Лавру и положенный въ Лаврскомъ Успенскомъ Соборѣ; на мѣсто Августина поступилъ Митрополитомъ Московскимъ Серафимъ, который въ 1821 году перемѣщенъ въ Петербургъ; на мѣсто же Серафима управленіе Московскою митрополіею возложено было на Архіепископа Филарета.

Преосвященный Филаретъ прибылъ въ Лавру, и какъ ея настоятель принялъ ее въ свое управленіе. Я пошелъ къ отцу Трифиллію, чтобь услышать отъ него, не было ли чего при этомъ пріемѣ оригинальнаго, чѣмъ всегда и вездѣ отличался Преосвященный Филаретъ.

Родной ты мой П...В-чь! такъ встрѣтилъ меня отецъ Трифиллій,—знаешъ ли ты, что сдѣлалъ со мною новый Владыка?—Ничего незнаю, отвѣчалъ я.-Такъ садись-ко на единственный мой стульчикъ, а я сяду насупротивъ тебя на коечку, и пораскажу: я былъ въ молодости матрозомъ, служилъ

въ Кронштадтѣ. Служба моя памятна для меня еще особеннымъ случаемъ (при этомъ старецъ тяжело вздохнулъ): я стоялъ на часахъ въ тотъ тяжелый день, когда Императоръ Петръ III. поѣхалъ въ шлюбкѣ кататься по Финскому заливу, и когда, по удаленіи его изъ вида, принесли налои съ крестами и евангеліями, и всѣхъ насъ на часахъ привели къ присягѣ на вѣрность службы Императрицѣ Екатеринѣ II, а за тѣмъ былъ отданъ приказъ: если кто подплыветъ къ пристани и будемъ называть себя Императоромъ, то отвѣчать: нѣтъ у насъ Императора,—у насъ Императрица Екатерина II. И мнѣ грѣшному привелось сдѣлать такой страшный отвѣтъ бывшему Государю. Онъ батюшка, выслушавши это, поворотилъ шлюбку и былъ таковъ. Но это къ слову; окончу разсказъ о себѣ. На службѣ былъ я раненъ въ ногу, отъ чего теперь и хромъ, и отъ чего тогда вышелъ въ отставку. По излеченіи отъ раны пришелъ я помолиться сюда къ мощамъ Преподобнаго Сергія. А какъ надобно же было гдѣ нибудь пріискать и хлѣбъ насущный: то я въ бывшей здѣсь (ранѣе Академіи) Лаврской семинаріи нанялся въ служители. И какъ Господь устроилъ! На меня выпала счастливая доля поступить въ услуженіе при комнатѣ учителя Василія Михайловича Дроздова. За мою исправнось, честность и простоту онъ до того сдѣлался ко мнѣ снисходительнымъ, что дозволялъ себѣ иногда съ старымъ матрозомъ кой-какія шуточки; и какъ я спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ, онъ на кровати, я па полу у печки: то, утомивши свою умную головушку разными науками, ляжетъ онъ бывало въ постель, и скажетъ: ну, Ѳедоръ (меня такъ звали), говори какую нибудь сказку.—Да что ты Василій Михайловичь, отвѣчаю бывало я, охота тебѣ слушать такіе пустяки?—Голова моя, скажетъ онъ, слишкомъ набита, надобно, чтобъ не много опустѣла.—Ну я и начну были и небылицы, пока не успетъ онъ. Однажды, когда мы улеглись, я говорю ему: а что, батюшка, Василій Михайло-

вичь, правда ли идетъ у насъ на кухнѣ слухъ, будто ты хочешъ постричься въ монахи?—Ну, такъ чтожъ?—сказалъ онъ.—А вотъ что,-продолжалъ я: головушка твоя преумная, это всѣмъ извѣстно; ты скоро дослужишься до архіерейства; а я то же намѣренъ, если Господь изволитъ, постричься здѣсь въ святой Лаврѣ въ монашество. Тогда вѣдь ты не вспомнишъ меня своего истопника?—Ну, Өедоръ,—сказалъ онъ,—до архіерейства далеко; однакожъ во всякомъ случаѣ я тебя никогда не забуду. За тѣмъ онъ постригся, нареченъ Филаретомъ, отозванъ въ Петербургъ; и въ первый разъ явился сюда архіереемъ Ревельскимъ на ваши академическіе экзамены,—ревизоромъ што-ли. Былъ онъ за тѣмъ здѣсь ревизоромъ и еще нѣсколько разъ, но я, постригшись между тѣмъ въ монашество, не рѣшался безпокоить его надпоминаніемъ о себѣ. Нынѣ, когда онъ сталъ священно—архимандритомъ Лавры, всѣ монашествующіе представлялись къ нему въ митрополичьихъ кельяхъ. Я стоялъ у самаго порога. И чтоже? Благословивъ властей, обвелъ онъ быстрымъ взглядомъ своимъ всѣхъ монашествующихъ, и указавъ на меня, сказалъ: эй ты, маленькой, сѣдинькой, пожалуй-ко сюда! Всѣхъ взоры обратились на меня. А я такъ перепугался, что не скоро могъ съ мѣста сдвинуться; вѣрно на мнѣ или ряска или клобукъ, или что—нибудь не въ порядкѣ, подумалось мнѣ, однакожъ долженъ былъ ковылять на хромой ногѣ чрезъ всю залу.—Ты тотъ Өедоръ, который жилъ у меня при комнатѣ?—Охъ бѣда, вообразилось мнѣ, неужели онъ хочетъ припомнить мнѣ какую нибудь мою прошлую неисправность?—Я, Ваше Высокопреосвященство!—Какъ твое нынѣ имя? Трифиллій.—Ну, помнишъ ли ты, какъ говорилъ мнѣ, что если я сдѣлаюсь архіереемъ то тебя забуду? Вотъ я тебя и незабылъ.—Повалился я Владыкѣ въ ноги заливаясь слезами.—А что же изъ этого вышло? продолжалъ старикъ съ непритворною грустію. Послѣ представленія, меня окружили о.. о. Намѣстникъ, Казначей,

Ризничій, и начали допрашивать: какъ ты знакомъ съ Преосвященнымъ Филаретомъ?—Да вы слышали, ваше высокопреподобіе, что я бывалъ у него при комнатѣ истопникомъ,- отвѣчалъ я. Но этого мало; чтобъ какъ нибудь меня отличить отъ другихъ, повысить, на меня стараго хромаго человѣка возложили братскую экономію, т. е. раздачу хлѣба, рыбы, вина, пива ипр. ипр. Вотъ горе-то мое, батюшка, П...В-чь! Не подъ силу, а отъ послушанія отказаться нельзя; вѣдь падобно же было Владыкѣ чрезъ столько лѣтъ признать меня, и припомнить слова мои. Да кстати сказать: теперь я хлѣбодаръ и пивочерпій, а поподчивать тебя нечѣмъ.—О! отецъ Трифиллій, въ Академіи насъ поятъ и кормятъ досыта, такъ что, дай Богъ, и на своихъ то въ послѣдствіи хлѣбахъ быть такъ довольными, однакожъ желалъ бы я знать, отчего нечѣмъ меня поподчивать?—А вотъ отчего, другъ мой!—сказалъ о. Трифиллій: Владыка Филаретъ приказалъ учредить ужинъ. Ему Власти наши возразили, что таковъ де завѣтъ основателя Лавры Преподобнаго Сергія, чтобъ въ обители Его былъ для братіи одинъ только обѣденный столъ, а вечерняго бы не было. Владыка отвѣчалъ: Преподобный Сергій не прогнѣвается на меня, если я измѣню завѣтъ Его, и посовѣтую братіи вкушать вечернюю трапезу всѣмъ вмѣстѣ, а не запасаться для этого съ обѣденной трапезы. Такъ и сдѣлано. Тайно же взять что нибудь изъ ввѣренной мнѣ провизіи въ келью грѣхъ великій.

Въ это время наступали дни окончанія нашего курса. И старикъ разпрощался со мною въ горькихъ слезахъ, отягченный тремя скорбями, неблагоповеденіемъ дочери, тяжелой своею обязанностію, и разлукою со мною. Не легко ему было повѣрять свою тайну иному секретарю. Да и нашелъ ли онъ между студентами другаго довѣреннаго по сердцу своему,— не знаю.

Теперь отъ разлуки нашей съ отцомъ Трифилліемъ болѣе 45 лѣтъ; полагаю, что онъ давно уже отошелъ съ миромъ въ вѣчную жизнь. Никогда не забыто въ молитвѣ моей имя добраго старца монаха Трифиллія.

Бывшій студентъ Московской Д. Академіи.